

В начале XXI в. положение внутри отдельно взятых государств, перспективы их развития и последствия проводимой экономической политики невозможно адекватно представить и осмыслить вне глобального контекста. Международные экономические, информационные и человеческие контакты достигли такой плотности и интенсивности, что для подавляющего большинства стран современного мира внешние условия развития играют определяющую роль по отношению к условиям внутренним. Причем воздействие глобализации на становящиеся новые независимые страны, включая центральноазиатские, особенно велико.

В то же время при несомненной определяющей роли глобальных факторов развития огромное влияние на экономический рост и его устойчивость оказывают и факторы внутреннего порядка. Для центральноазиатских стран такими факторами являются географическая удаленность от основных центров мировой экономики, отсутствие прямых выходов к важнейшим торговым путям, малая численность населения при очень низком уровне индивидуальных доходов, что предопределяет узость внутренних рынков, а также более чем скромные масштабы внутренних сбережений, которые могут быть мобилизованы для последующего инвестирования. Заметный отпечаток на конкретные траектории развития отдельных стран, формирующиеся на стыке глобальных и внутренних факторов, накладывают устремления и политика правящих элит в новых независимых государствах.

Предметом исследования настоящей главы является адаптация центральноазиатских экономик к изменившимся под воздействием глобализации условиям развития. Причем, глобализация трактуется здесь в узком смысле как процесс расширения глобальной экономики, то есть экономики с единой, в идеале, системой цен на товарных и факторных рынках (за исключением рынка рабочей силы), абсолютной мобильностью главных факторов производства и едиными универсальными, правилами игры.

В Центральной Азии мы сталкиваемся с двумя типами реакции на глобализацию. На одном полюсе Казахстан, Кыргызстан и, со второй половины 90-х гг. Таджикистан. Экономике этих стран, которые в основном приняли универсальные правила игры, формируются в качестве отдельных ячеек глобальной матрицы. По сути, политика этих стран заключается в том, чтобы выстроить национальное экономическое пространство таким образом, чтобы оно полностью соответствовало требованиям пространства глобального. Это достигается через сближение внутренних ценовых уровней и пропорций с условными среднемировыми, поддержание конвертации национальной валюты, снятие барьеров и препятствий при входе экономических агентов в национальное экономическое пространство и их выходе из него.

На другом полюсе Узбекистан и Туркменистан, отказавшиеся от конвертируемости национальных валют даже по текущему счету платежного баланса и поддерживающие особые ценовые уровни и пропорции. Правящие и господствующие группы в этих двух странах, отгородившись от глобальной экономики, пытаются организовать национальное экономическое пространство в соответствии со своими устремлениями или программными установками.

В литературе нет недостатка специальных работ, которые подробно, в деталях анализируют макроэкономическую политику, проводимую центральноазиатскими государствами. Особо следует отметить ежегодные страновые отчеты, публикуемые экспертами Международного валютного фонда. По понятным причинам реже встречаются работы обобщенного характера. Десять лет независимого развития - срок достаточный для того, чтобы подвести обобщенные промежуточные итоги избранных центральноазиатскими странами моделей адаптации к глобализации. При этом содержательный разговор можно вести в отношении Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. В Таджикистане центральные власти не обладают достаточным контролем над всей территорией страны и озабочены почти исключительно проблемой своего политического выживания. Экономические сдвиги здесь являются результатом естественного хода вещей. В Туркменистане же экономическое развитие несет на себе сильнейший отпечаток волонтаризма.

6.1. Маргинализация кыргызской экономики

Еще в последние годы существования СССР среди советской номенклатуры преваляло мнение, что господствующие в мировой экономике тенденции к глобализации и интернационализации хозяйственной деятельности могут быть использованы для обеспечения ускоренного роста и скорейшего преодоления системного кризиса, в котором все бывшие республики оказались к середине 80-х гг. Постсоветские правящие и господствующие группировки по инерции унаследовали эти представления.

Между тем шанс на развитие в глобальной экономике получают далеко не все. Уделом многих государств становится экономическая маргинализация. Стандартные унифицированные рецепты экономической политики не всегда помогают занять достойную нишу в мировом разделении труда. Скорее наоборот, эти рецепты, открывая национальную экономику для глобальной конкуренции, блокируют развитие местных производительных сил, обрекая целые народы и страны на прозябание. В Центральной Азии в подобном положении оказался Кыргызстан.

Как известно, это государство первым в Центральноазиатском регионе начало практическую реализацию пакета стабилизационных мер по макроэкономической стабилизации, предложенных Международным валютным фондом, первым ввело конвертируемость национальной валюты по текущим операциям, первым вступило во Всемирную торговую организацию. На поверхностный взгляд, макроэкономическая ситуация в Кыргызстане в начале второго десятилетия независимого развития выглядит не столь удручающе, как в первые годы независимости. Глубокий спад ВВП и промышленного производства сменился подъемом. Темпы роста в 1996-2000 гг. достигли 6%. Однако действительно ли кыргызская экономика стабилизировалась в макроэкономическом смысле?

Ответить на этот вопрос помогает анализ "дефицитов", укоренившихся в экономике Кыргызстана. Оказывается, что во второй половине 90-х гг. дефицит государственного бюджета здесь в среднем составлял 4,9% ВВП, причем вплоть до 1997 г. включительно он постоянно зашкаливал за предельно безопасный уровень в 5%¹. Лишь к концу десятилетия он снизился до 1-2% валового внутреннего про-

дукта. Отрицательное сальдо внешнеторгового баланса за эти же годы в среднем составило 15,3% ВВП². Брешь по текущему счет платежного баланса в 1995-1999 гг. в среднем достигала 16,1%³. В 2000 г., судя по предварительной информации, отрицательное сальдо торгового и платежного балансов заметно уменьшилось, но не исключено, что за этим может последовать их новый обвал, как это уже происходило в 1996-1998 гг.

Относительная макроэкономическая стабилизация и вялый экономический рост в этой стране обеспечиваются исключительно за счет наращивания внешнего долга, который за 1995-2000 гг. увеличился в 2,4 раза и превысил объем валового внутреннего продукта. Только ежегодное плановое обслуживание внешней задолженности должно «съедать» более половины экспортных поступлений.

В основе проводимой в Кыргызстане все последние годы экономической политики лежит логическая посылка, согласно которой приток зарубежных займов и кредитов, а также иностранных инвестиций позволяет, с одной стороны, сгладить временные трудности переходного периода, а с другой стороны, придаст в среднесрочной перспективе толчок развитию экспортных отраслей. В свою очередь, будущие экспортные поступления позволят погасить накопленную задолженность, а также поддерживать стабильный курс национальной валюты. По нашему мнению, в конкретных условиях Кыргызстана эта посылка была изначально лишена серьезных оснований.

Возможности этой малой, бедной природными ресурсами, слабо развитой и географически удаленной от развитых центров современного мира страны диверсифицировать и сколько-нибудь существенно нарастить экспорт объективно ограничены. Поэтому будущих экспортных поступлений, сама возможность увеличения которых представляется крайне проблематичной, едва ли окажется достаточно для расплаты с иностранными инвесторами и кредиторами.

Это подтверждается развитием ситуации вокруг месторождения Кумтор. Развитие этого золотоносного месторождения - единственный крупный по местным меркам проект с иностранным участием на территории Кыргызстана. За более чем десятилетний период иностранные инвесторы не сумели найти здесь какой-либо другой объект, достойный приложения их усилий. В соответствии с соглашениями, Кыргызстан получает две трети прибыли от реализации на мировом

рынке добытого золота. Из-за нестабильного поведения мировых цен на желтый металл доходы от продаж золота подвержены резким колебаниям. Более того, по некоторым оценкам, в отдельные годы они даже не покрывают издержек производства⁴. Не исключено, что в 1998 г., например, когда цены на золото существенно просели, государственный бюджет был даже вынужден субсидировать продолжение добычи. Следовательно, наращивание золотодобычи оказывает очень слабое позитивное влияние на кыргызскую экономику. Физический объем промышленного производства и ВВП, конечно, демонстрируют рост, однако поступления в казну страны остаются минимальными. Так в 1997 г., чистая прибыль кумторского проекта составила всего 18,9 млн долл.³, что более чем в двадцать раз меньше в сравнении с кредитом, взятым под разработку месторождения.

В целом же в кыргызской экономике сложился порочный круг. Выполняя рекомендации МВФ и проводя политику по подавлению инфляции, сменяющие друг друга правительства регулярно возвращаются к попыткам зафиксировать, хотя и в неявном виде, номинальный обменный курс. В открытой экономике со свободно конвертируемой национальной валютой зафиксированный на завышенном (относительно превалирующих производственных издержек местных производителей) уровне курс сома сделал неконкурентоспособными практически все местные отрасли. Иначе говоря, неограниченная конвертация национальной валюты поставила местных производителей с их исторически сложившимися высокими издержками производства в прямую конкуренцию с импортными товарами. Внутренний спрос стало выгоднее удовлетворять за счет импорта. Последний в подавляющем большинстве случаев дешевле местной продукции, что позволило ему завоевать внутренний рынок. После реализации импортной продукции прибыль, полученная в сомах, свободно конвертируется в твердую валюту и выводится из национальной финансовой системы. Таким образом, иностранные кредиты и стабилизационные фонды, предоставленные для поддержания курса сома, расходуются на поддержание импорта, в конечном счете перекачиваются из Кыргызстана обратно в мировую финансовую систему.

Все последние годы экономика республики функционирует в рамках описанного порочного круга и окончательно не рухнула только потому, что поддерживалась все новыми займами и кредитами

Если исключить добычу золота на месторождении Кумтор и обслуживающие этот процесс производства, то оказывается, что реальный сектор застыл в депрессивном состоянии. В 1996-1998 гг., например, практически весь достигнутый прирост производства обеспечен увеличением добычи золота с 1,5 тонн в 1996 г. до 17 тонн в 1997 г. и 18,25 тонн в 1998 г.⁶ Без учета хозяйственной деятельности, связанной с освоением Кумтора, ВВП Кыргызстана в 1998 г. увеличился в пределах статистической ошибки - всего на 0,3% (с учетом Кумтора - а 1,8%), а промышленное производство даже сократилось на 6% (с учетом Кумтора - выросло на 8.3%)⁷. Несколько прищипорила динамику производства вне сектора золотодобычи сравнительно радикальная аграрная реформа, однако ее стимулирующий эффект, вряд ли, сохранится надолго.

В краткосрочном плане власти могут периодически разряжать ситуацию через глубокую одномоментную девальвацию национальной валюты. К таким шагам правительство прибегало осенью 1996 г., осенью 1998 г., на рубеже 1998-1999 гг., в 2000 г. Однако, несмотря на возобновляемые попытки, правительству никак не удается зафиксировать номинальный курс сома, который продолжает свободное падение, сопровождающееся регулярными инфляционными волнами и снижением и без того запредельно низкого уровня жизни. В перспективе такая экономическая политика безальтернативно ведет к сжатию национальной экономики до размеров экспортного сектора и производства некоторых базовых товаров, которые не могут быть импортированы (так называемые "non-tradeables").

Подавляющая же масса местного населения влачит жалкое существование, оседая во всевозможных неформальных, переходных и квази-традиционных структурах, которые множатся в результате разложения экономики, унаследованной от советского прошлого. Целью занятых в таких тупиковых в социально-экономическом смысле структурах является физическое выживание, а не развитие.

Даже по официальным данным, в 1996 г. не менее 74-81% населения в зависимости от используемой методики подсчетов имели доходы ниже черты бедности⁸. Средняя заработная плата в экономике в целом составила в 2000 г. всего 25 долл. в сравнении с 34 долл. в середине 90-х гг.⁹

Продолжение нынешней экономической политики ведет к превращению Кыргызстана отнюдь не в "центрально-азиатскую Швейцарию", как это часто преподносится, а скорее "центральноазиатскую Мьянму". Появляются все новые и новые подтверждения тому, что Кыргызстан занял прочную нишу в глобальном производстве и транзите наркотиков. При отсутствии альтернативных возможностей занятости, население не имеет другого выбора, кроме как включиться в выращивание и транспортировку наркотических культур. Тем более для этого имеются серьезные исторические предпосылки (подробнее СМ. гл. 13).

Новое глубокое падение и без того непереносимо низкого уровня доходов подавляющей массы населения в 1999-2000 гг. заметно обострило социально-экономическую ситуацию во внешне спокойном Кыргызстане. По сообщениям независимых наблюдателей интенсифицировались локальные конфликты по поводу распределения земли в переселенной Ферганской долине¹⁰. В феврале 1999 г. очередное повышение налогов на розничных торговцев спровоцировало беспорядки на базарах Бишкека, когда кыргызская молодежь разгромила торговые точки русских торговцев¹¹.

Отражением этих и множества других латентных конфликтов, развивающихся как в правящей верхушке, так и в толще общества, являются периодические чистки правительства, президентского аппарата и центрального банка под лозунгами борьбы с коррупцией. Чистки затрагивают чиновников самого высокого ранга в президентской администрации, министерствах финансов, сельского хозяйства, промышленности и торговли¹². Регулярное обновление высших чиновников, распоряжающихся бюджетными средствами и распределяющими внешние займы и гранты, превратилось в органичный элемент сложившейся структуры власти и собственности.

При этом, однако, Кыргызстан продолжает следовать однажды избранным экономическим курсом. В ситуации, когда местная промышленность уже безвозвратно разрушена, а лучшие сельскохозяйственные угодья перешли в частные руки, какие-либо иные альтернативы у правящих господствующих групп отсутствуют. Осенью 1998 г. в разгар азиатского и российского финансового кризисов лишь чрезвычайная помощь МВФ спасла экономику Кыргызстана от катастрофы. В

настоящее время кыргызская экономика поддерживается на плаву исключительно благодаря льготной помощи правительства Японии.

В октябре 1998 г. Кыргызстан вступил во Всемирную торговую организацию на условиях развивающейся страны. Это означает, что он взял на себя жесткие обязательства по дальнейшему открытию внутреннего рынка внешней конкуренции¹³. Импортные пошлины были снижены, а на большинство товаров вовсе отменены, упразднено лицензирование, введен единый законодательный режим для местных и зарубежных предпринимателей¹⁴. Скажутся ли эти меры положительно на экономике страны, покажет будущее, причем будущее не ближайшее. В просматриваемой же перспективе в Кыргызстане продолжится перемалывание и уничтожение унаследованной от прошлого экономической структуры.

Самым наглядным подтверждением углубляющейся глобальной маргинализации экономики Кыргызстана служит продолжающееся снижение среднедушевого ВВП на фоне отсутствия интереса к стране со стороны иностранных инвесторов.

Стоит особо оговорить одно принципиальное обстоятельство. Маргинализация кыргызской экономики объективный саморазвивающийся процесс, а не результат просчетов и ошибок. Экономический потенциал страны слишком незначителен для того, чтобы обеспечить ее устойчивый экономический рост и более высокий уровень массового благосостояния. В этом смысле появившийся на политической карте современного мира независимый Кыргызстан пополнил многочисленные ряды так называемых «провалившихся государств» (failed states), которые не обладают достаточным набором предпосылок для успешного развития. Маргинализация кыргызской экономики состоялась бы при любом варианте экономической политики.

6.2. Тупиковый "дуализм" в Казахстане

С макроэкономической точки зрения наиболее сбалансирована в Центральной Азии экономика Казахстана. В 1996-2000 гг. дефицит государственного бюджета находился здесь на уровне близком к 5% ВВП. Под жестким контролем находится и инфляция. С 1999 г. эта страна поддерживает положительное сальдо торгового, а с 2000 г. - текущего счета платежного баланса. Отношение внешнего долга к ва-

ловому внутреннему продукту в Казахстане ниже, чем у соседей по региону. Существенный рост экспортных поступлений облегчает обслуживание внешних обязательств.

Как и Кыргызстан, Казахстан сделал ставку на максимально быстрое и полное включение в глобальную экономику. Столкнувшись с угрозой полного распада унаследованной промышленной структуры, для поддержания и тем более модернизации которой страна не располагает ни достаточными финансовыми ресурсами, ни технологиями, ни квалифицированными кадрами, правительство пошло на масштабную интернационализацию национальной промышленности. В 1994-1997 гг. почти все представляющие хоть какой-то интерес металлургические, электроэнергетические и нефтегазовые предприятия перешли в собственность либо под управление иностранных компаний (см. табл. 1). Иностранные партнеры ведущих казахских предприятий и условия сотрудничества с зарубежными фирмами меняются с калейдоскопической быстротой. Вместе с тем материалы, представленные в табл. 1, дают весьма наглядное представление о степени и характере интернационализации казахской экономики.

Таблица 1.

*Крупнейшие предприятия Казахстана перешедшие под иностранный контроль **

Сектор / Предприятие	Иностранный партнер	Вид контроля**
Электроэнергетика и уголь		
1. Алматыэнерго	Tractebel (Бельгия)	EP
2. Экибастузская ГРЭС-2	Independent Power Corporation (Великобритания)	EP
3. Карагандинская ГРЭС-2	Independent Power Corporation (Великобритания)	EP
4. Усть-Каменогорская ТЭЦ-2	American Electrical Systems (США)	EP
5. Карагандинская ТЭЦ-2	Ispat-Karmet	EP
6. Ермаковская ГРЭС	Japan Chrome Corporation	EP
7. Экибастузская ГРЭС-1	AES (США)	EP
8. Павлодарская ТЭЦ-1	Whiteswen Ltd. (Великобритания)	EP
9. Жезказганская ТЭЦ	Samsung (Южная Корея)	EP
10. Жамбыльская ГРЭС	Vitol-Munai (Швейцария)	EP
11. Угольный разрез Майкубен	HTR GmbH (Германия)	EP

Продолжение табл. 1

12. Угольный разрез Северный	РАО ЭЭС (Россия!)	EP
13. Угольный разрез Восточный	Japan Chrome Corporation	EP
14. Угольный разрез Богатырь	Access Industries (США)	EP
Нефть и газ		
15. Нефтеперерабатывающий завод (Атырау)	TelfAG (Швейцария)	EP
16. Павлодарский нефтеперерабатывающий завод	CCL Oil (США)	концессия
17. Шымкентнефтеоргсинтез	Vitol (Швейцария)	EP
18. Южнефтегаз	Hurricane Hydrocarbon (Канада)	EP
19. Мангистаумунайнефтегаз	Central Asia Petroleum Ltd. (Индонезия)	EP
20. Актөбөмунайгаз	China National Oil Company (КНР)	EP
21. Узеньмунайгаз	China National Oil Company (КНР)	EP
Черная и цветная металлургия		
22. Шымкентский фосфорный завод	Donex	GFM
23. Жамбыльский фосфорный завод	IBE Trading	GFM
24. Ачполиметалл	River International (Швейцария)	GFM
25. Казмарганец	Japan Chrome Corporation	EP
26. Соколовско-Сарбайский ГОК	Ivedon International Ltd. (Исландия)	GFM
27. Жезказганский медный комбинат	Samsung (Южная Корея)	EP
28. Балхашский медный комбинат	Samsung (Южная Корея)	EP
29 Павлодарский алюминиевый завод	White Swan Ltd. (Великобритания)	EP
30. Казцинк	Glencore International (Швейцария)	GFM
31. Иртышский медный завод	Daton Associates (Великобритания)	GFM
32 Карагандинский металлургический комбинат	Ispat	EP
33. Брмаковский завод железных сплавов	Japan Chrome Corporation	GFM
34. Жескенский ГОК	Nova Resources (Швейцария)	GFM
35 Казхром	Japan Chrome Corporation	GFM
36 Полиметаллический завод (Сары-Арка)	Nakosta	EP

Продолжение табл. 1

37. Усть-Каменогорский титано-магнийевый комбинат	Speciality Metals Company (Бельгия)	EP
38. Целинный горнодобывающий и химический завод	Subton Ltd. (Израиль)	EP
Телекоммуникации		
39. Казтелеком	Daewoo (Южная Корея)	EP
Табак и сигареты		
40. Алмаатинская табачная фабрика	Philip Morris (США)	EP

* - названия иностранных фирм и их страновая аффилиация приведены по материалам деловой периодики

** - EP- участие в собственности; GFM - контракты по общему и финансовому управлению.

Источники: казахская и российская деловая периодика за 1994-1998 гг.

Из приведенных в табл. 1 материалов, в частности, следует, что значительная часть пришедших в казахскую экономику компаний имеет офшорное происхождение. На деле они контролируются бывшей и нынешней казахской номенклатурой, которая таким путем устанавливает права собственности на экономические активы, страхуясь от возможных системных рисков. Подобная практика широко распространена на всем постсоветском пространстве и, по-видимому, является неизбежным этапом в длительном историческом процессе становления института частной собственности. Важно, что поведение офшорных компаний в принимающих странах принципиально не отличается от действий действительно иностранного капитала.

Казахская экономика расслоилась на два сектора - экспортный и все остальное производство¹⁵. Под иностранный и квазиининостраный контроль перешли производители меди, цинка, марганца, свинца, алюминия, титана, урана, большинство крупных электростанций, угольные разрезы, нефтеперерабатывающие заводы, а также ряд местных производителей нефти. За некоторыми исключениями эти производства нацелены на экспорт либо поставляют промежуточную продукцию экспортерам.

Экспортный сектор контролируется иностранным капиталом и функционирует в рамках ценовых и спросовых ограничений, задаваемых мировым рынком. Насколько долговечным окажется это образование, не до конца ясно. Особенно это касается металлургической про-

мышленности. Дело в том, что промышленные гиганты Казахстана были созданы для принципиально нерыночной экономической среды. Нельзя полностью исключить и такой вариант развития событий, когда, используя стремительно дряхлеющие предприятия для вывода прибыли в мировую финансовую систему, иностранные инвесторы откажутся от заявленных планов по их реконструкции и модернизации. Но даже при самом благоприятном варианте интернационализация экспортоориентированного и обслуживающего его секторов оказывает на национальную экономику серьезное воздействие.

Во-первых, резко сократилось перераспределение экспортных доходов в пользу других отраслей и потребления, так как контроль над этими доходами перешел в руки иностранного капитала. В этом одна из причин нарастающей деградации той части экономической структуры, которая не имеет выхода на экспортные рынки, а также стремительного расширения зоны бедности в Казахстане. Во-вторых, интернационализированный сектор ускорил сближение внутренних цен с мировыми. В свою очередь, ценовой шок, вызванный движением к условным среднемировым ценовым уровням и пропорциям, дополнительно подтолкнул банкротство значительной части неэкспортной промышленности и сельского хозяйства. В-третьих, экономическое развитие Казахстана оказалось в полной зависимости от ценовых флуктуаций на мировых рынках энергетического сырья и металлов.

Передача экономических активов иностранному капиталу позволяла временно решать проблемы бюджетного финансирования. В 1993-2000 гг. продажа лакомых кусков промышленности давала Казахстану возможность привлекать в среднем более 1 млрд долл. прямых инвестиций в год. Столь значительный относительно размеров казахской экономики приток ресурсов оказал существенное влияние на макроэкономические показатели. Приток прямых иностранных инвестиций способствовал и стабилизации обменного курса тенге, а значит, и инфляции.

1998 г. продемонстрировал зыбкость безоглядных расчетов на экспортоориентированное сырьевое развитие. Снижение мировых цен на металлы и энергоносители вкупе с сокращением спроса на традиционных экспортных рынках вызвало новую волну общеэкономического и промышленного спада в Казахстане. При этом, как и Кыргызстан, Казахстан оказался заложником ранее принятых решений.

Продав и/или передав в управление иностранным компаниям экспортные производства, правительство лишило себя источника финансовых ресурсов, которые в ином случае могли бы быть аккумулированы в бюджет. Не вполне состоятельными оказались и расчеты на рост налоговых доходов, собираемых с экспортных производств. Мало того, что стоимость экспорта в 1997-1998 гг. падала, сокращая тем самым налогооблагаемую базу, но одновременно выяснилось, что сами экспортеры нуждаются в правительственной поддержке. Уже в мае 1998 г. они выбили из правительства льготные тарифы на электроэнергию и транспортные перевозки¹⁶.

В Казахстане сложился особый тупиковый вариант дуализма. Несколько десятков экспортных и энергетических предприятий, обеспечивающие занятость менее десятой части совокупной рабочей силы, все более превращаются в анклав. В то время как отдача от этого анклава в виде налоговых и прочих отчислений в бюджет целиком зависит от мировой ценовой конъюнктуры, сам он продолжает использовать местную электроэнергетику и транспортную инфраструктуру в качестве доноров.

В 2000 гг. резкий взлет экспортных доходов должен был бы, по идее, способствовать налаживанию более тесного взаимодействия между анклавом и остальной экономикой. Однако подпитка ее ресурсами из экспортных отраслей выросла весьма незначительно. По официальному обменному курсу государственные расходы (включая кредитование) увеличились по сравнению с предыдущим годом всего на 7,3%. Получается, что при увеличении доходов от экспорта на 3,5 млрд долл., бюджет, через который и перекидывается мостик от экспортного сектора к остальной экономике увеличился менее чем на 300 млн долл.¹⁷

Ближайшие годы покажут, станет ли сложившаяся дуальная структура и далее развиваться по тупиковому варианту, при котором анклавный характер экспортного сектора может даже усилиться, или будут предприняты необходимые шаги для выправления ситуации. Если государство не создаст механизма эффективного использования нефтяной ренты внутри страны, то при динамичном экспортном секторе остальная экономика останется в состоянии депрессивной стабилизации. Возможности использовать природную, в том числе нефтяную, ренту в целях развития ограничены тем обстоятельством, что Казахстан фактически продал свои месторождения и металлургические пред-

приятия зарубежным инвесторам. Поэтому наращивание экспорта способствует росту ВВП, но не ВВП.

Может сложиться такая ситуация, что, после того как производственные фонды в металлургической промышленности будут окончательно изношены, экспортные доходы упадут. Кризис еще более вероятен в случае неожиданного одновременного обвала цен на основные экспортные товары Казахстана - нефть, медь, цинк, свинец, глинозем и прокат черных металлов. В сентябре-декабре 1998 г. казахская экономика была очень близка к коллапсу. Макроэкономическая катастрофа была предотвращена экстренной помощью со стороны Международного валютного фонда, предоставившего кредит в 217 млн долл. для пополнения золотовалютных резервов страны (а значит, и поддержания курса тенге), и Мирового банка, открывшего кредит в 75 млн долл. под финансирование бюджета¹⁸.

Не исключено, что в случае нового обвала мировых энергетических и сырьевых цен кредиторы и нефтегазовые корпорации, ведущие бизнес на территории Казахстана, предпримут чрезвычайные меры по спасению его экономики. Если ситуация примет чрезвычайный характер, то крупнейшие углеводородные месторождения могут окончательно перейти под иностранный контроль через swap-сделки «месторождения в обмен на срочную финансовую помощь». Такой вариант, кстати, уже начал реализовываться с осени 1998 г., когда, оказавшись в безвыходном положении, казахское правительство уступило часть своей доли в месторождениях Каспийского шельфа Японской национальной нефтяной компании и американской Philips Petroleum¹⁹.

Переход казахских месторождений под иностранный контроль осуществляется и в периоды благоприятной мировой конъюнктуры. Так, весной 2000 г. корпорация Chevron увеличила свою долю в совместном предприятии Тенгизшевройл до 50% за счет покупки части акций, ранее контролировавшихся государственной компанией²⁰.

В любом из сценариев перспективы казахской экономики почти исключительно определяются стратегией ведущих нефтегазовых ТНК и ситуацией на мировом рынке нефти. Вплоть до самого последнего времени иностранный капитал демонстрировал минимальный интерес к производствам вне нефтяного сектора. Преодолеть очевидную тупиковость сложившейся ситуации Казахстан сможет лишь в том случае, если добыча и экспорт нефти возрастут многократно относительно-

но нынешнего уровня, а правительство сможет наладить эффективные в рыночном смысле механизмы инвестирования природной ренты в развитие национальных производительных сил, не подрывая при этом макроэкономическую стабильность.

6.3. Промежуточная ниша Узбекистана

Несмотря на некоторые различия, реакция на глобализацию и интернационализацию в Кыргызстане и Казахстане однотипна в том смысле, что обе страны сделали ставку на иностранный капитал. Последний выступает практически единственным агентом развития. Государство добровольно отказалось от этой роли, а местный частный сектор слишком слаб для того, чтобы заметно влиять на макроэкономическую динамику.

Одновременно, вследствие либерализации обменного курса, и казахские, и кыргызские производители оказались вовлечены в глобальную конкуренцию в реальном масштабе времени. В силу высокой энергоемкости, технологической отсталости и разрушенной промышленной организации местные производители не способны выдержать конкурентную борьбу с более дешевым импортом.

По несколько иной траектории развивается Узбекистан. Два принципиальных момента отличают эту страну от Казахстана и Кыргызстана. Во-первых, основным агентом развития в Узбекистане остается государство. В 1995-1999 г. текущие доходы государственного бюджета достигали здесь в среднем 30,9% валового внутреннего продукта, в сравнении с 18,6% в Казахстане и 17% - Кыргызстане²¹. Аккумулируя в бюджет сравнительно больший объем ресурсов, узбекское правительство обладает и большей свободой экономического маневра. Это позволяет правительству оказывать существенное влияние на макроэкономическую динамику. Во-вторых, Узбекистан попытался защитить национальных производителей от глобальной конкуренции посредством регулирования обменного курса.

Узбекистан оказался едва ли не единственной страной в СНГ, которая оказалась способной выстроить зачатки того, что в литературе по проблемам развития капитализма и экономического роста определяется как "нация-государство" (nation-state). При неразвитости и/или недостаточной развитости всех других структурообразующих эле-

ментов, составляющих nation-state, его скрепляющим началом остается авторитарная власть. В конце 80-х-начале 90-х гг. эта власть сумела предотвратить распад экономики.

В немалой степени этому способствовали два обстоятельства. С одной стороны, установление национального контроля над развитой золотодобычей и экспортом урана позволило Узбекистану достаточно быстро ослабить негативные последствия сокращения притока финансовых и физических ресурсов из России. С другой стороны, основой сельскохозяйственного производства в Узбекистане является хлопок. Экспорт этой технической культуры удалось относительно легко переориентировать на мировой рынок. К тому же цены на хлопок на мировом рынке взлетели в 1994 г. на 24% и в 1995 г. - еще на 26%²². Не отрицая значимости конъюнктурных и случайных факторов, нельзя все же не признать их вспомогательную роль. Главной причиной менее глубокого спада производства в Узбекистане, в сравнении с другими странами-членами СНГ, стали целенаправленные сознательные усилия власти.

Правда, с макроэкономической точки зрения результатом этих усилий стало восстановление, точнее удержание, «плохого равновесия» конца советского периода. С той лишь разницей, что рычаги управления экономикой и ресурсно-финансовыми потоками перешли под контроль узбекских властей. Найти адекватный ответ на основной вызов - быстрый рост населения и экономически активной его части, Узбекистану не удалось.

Чрезвычайная хрупкость макроэкономической ситуации в стране определяется и почти полной зависимостью национальной экономики от спроса на хлопок на мировых рынках. В 1992-1995 гг. хлопок обеспечивал львиную, а в 1996-2000 гг. значительную, долю всех экспортных поступлений Узбекистана. Малейшее снижение мировых цен и спроса на хлопковое сырье наносит по узбекской экономике республики сокрушительный удар. С точки зрения подверженности воздействию внешнеторговых шоков она, в принципе, мало отличается от казахской и кыргызской экономик.

После стабилизации производственного спада с середины 90-х гг. перед Узбекистаном объективно встала задача преодолеть «плохое равновесие» и выйти на траекторию поступательного самоподдерживающегося развития. Иначе объективно существующие и созданные предпосылки для динамизации экономического развития будут утрачены.

Узбекистан, на наш взгляд, располагает набором предпосылок, позволяющих рассчитывать на выход на траекторию эффективного рыночного развития. Во-первых, в стране сохранилась аграрная периферия. Советская коллективизация деформировала традиционные структуры в сельском хозяйстве, но не уничтожила их полностью, как это произошло, скажем, в Казахстане и Кыргызстане. Во-вторых, Узбекистан располагает массой относительно дешевой рабочей силы, способной к интенсивному, монотонному и неквалифицированному труду. В-третьих, для подавляющей части населения типична простая не интернационализированная модель потребления. При этом уровень личного потребления крайне низок. В-четвертых, население ментально и психологически готово к быстрому развитию так называемого "низового" капитализма (*grass root capitalism*). Примечательно, что в 1994 г., на гребне институциональной либерализации, 77% малых предприятий в Узбекистане были частными предприятиями²³, а не кооперативами, как в большинстве постсоветских государств. В-пятых, в Узбекистане сформирован дисциплинированный бюрократический аппарат, способный обеспечить выполнение решений, принятых центральным руководством страны.

Словом, Узбекистан отличается от своих соседей и остальных государств СНГ рядом характеристик, которые один из пионеров экономики развития А. Гершенкрон изящно определил как «сравнительное преимущество отсталости». Опираясь на эти свои сравнительные преимущества, Узбекистан имеет определенные шансы на преодоление барьера слаборазвитости.

Вместе с тем от советского прошлого Узбекистан унаследовал специфическую экономическую систему, в которую встроены структурные ловушки особого рода: Назовем лишь три из них:

- сельское хозяйство имело экспортную ориентацию при том, что значительную часть продовольствия приходилось импортировать. В зависимости от урожая зерновых импорт продовольствия колебался в 1991-1995 гг. в пределах 0,7-1,0 млрд долл. в год;

- энергоемкое, точнее энергорасточительное, промышленное и аграрное производство, критически зависящее от импорта нефтепродуктов;

- специфическая промышленная структура. Если исключить небольшое число, как правило, мелких предприятий, то местная обраба-

тывающая промышленность, во-первых, сформировалась как промышленность второго эшелона, то есть развивалась в СССР про запас на случай войны. Во-вторых, она отличается необыкновенной дробностью. Номенклатура производимых изделий излишне диверсифицирована в сравнении с размерами внутреннего спроса. В-третьих, гипертрофированное развитие в промышленной структуре получил сектор промежуточной продукции, включенный, как правило, в бывшие общесоюзные производственные и технологические цепочки. Так, крупнейшее промышленное предприятие Узбекистана и всей Центральной Азии Ташкентское авиационное производственное объединение получало узлы и детали от 1200 поставщиков, разбросанных по территории всего Советского Союза²⁴.

В первые же годы независимости экономическая политика в Узбекистане была направлена на то, чтобы выбраться из этих структурных ловушек. Первым достижением на этом пути стал прорыв в нефтегазовой сфере. К концу 1995 г. Узбекистан практически достиг самообеспеченности по энергоносителям. Добыча нефти выросла с 2,8 миллионов тонн в 1991 г. до 7,6 млн тонн в 1995 г., природного газа за тот же период - с 41,9 до 48,6 млрд куб. м²⁵.

Параллельно с помощью зарубежных займов и кредитов был реконструирован нефтеперерабатывающий завод в г. Фергана, и практически с нуля построен современный нефтеперерабатывающий завод в г. Бухара²⁶. Модернизация и развитие нефтехимической промышленности позволили отказаться от импорта нефтепродуктов. К началу XXI в. Узбекистан планирует построить крупнейший в Центральной Азии газоперерабатывающий и химический комплекс в г. Шуртан²⁷.

Развитие нефтедобычи и нефтехимии не только ослабило ресурсные ограничения, но и улучшило торговый, а значит и платежный баланс. Поэтому, на первый взгляд, эти сдвиги следовало бы однозначно оценить как положительные. Так бы мы и поступили, если можно было бы сбросить со счетов опыт развития бывшего СССР, а также десятков развивающихся стран, которые демонстрировали впечатляющие успехи на начальных этапах импортозамещения, но в конечном итоге оказались в экономическом тупике.

Наши опасения основаны на трех соображениях. Во-первых, масштабные проекты в сфере нефте- и газодобычи и химической промышленности стали возможными благодаря внешним займам и кре-

дителям, но не прямым иностранным инвестициям. Следовательно, некоторое улучшение платежного баланса достигнуто за счет увеличения внешней задолженности. Каких-либо существенных параллельных усилий по продвижению национального экспорта предпринято не было.

Во-вторых, мало что известно о реальных производственных издержках при добыче нефти и газа. В Узбекистане отсутствуют крупные месторождения нефти, и ее добыча осуществляется на двух-трех десятках географически широко разбросанных месторождений, что, по идее, не может негативно не сказываться на издержках производства. В-третьих, вложив крупные заемные средства в нефте- и газопереработку, Узбекистану приходится поддерживать добычу углеводородного сырья, независимо от того, во что обходится его производство. Ориентация на валовые физические объемы производства любой ценой была полностью дискредитирована крахом советской экономики и провалом бездумного импортзамещения в нескольких десятках развивающихся стран. По замыслу устранение зависимости от импорта энергоносителей позволяет формировать национальную промышленную базу безотносительно к внешним условиям развития. Однако одним из функциональных следствий глобализации является то, что производственные издержки индивидуальных производителей сопоставляются по всему полю мировой экономики в режиме реального времени.

В самом начале настоящей главы отмечалось, что Узбекистан реализует стратегию развития, отгородившись от определяющего воздействия глобализации. Однако в современных условиях даже такую стратегию невозможно воплотить в жизнь без опоры на мировой рынок. Хотя бы потому, что получить необходимые машины и оборудования, как и современные технологии, можно исключительно за счет их импорта. Импорт же невозможен без поддержания определенного уровня экспорта. Экспортные поступления необходимы и для того, чтобы рассчитываться по полученным займам и кредитам.

Все это ставит национальных экспортеров в режим прямой конкуренции в глобальном масштабе. Тем более, что за редчайшими исключениями ни одна из постсоветских экономик не производит уникальной, не имеющей аналогов продукции.

Понятно, что для балансировки хозяйственной системы узбекское правительство обязано постоянно дискриминировать экспор-

теров, конфискуя у них часть экспортной выручки. Таким образом, в системе складывается несколько постоянно воспроизводящихся порочных кругов со встроенными дефектами. С одной стороны, создав топливно-энергетический и нефтехимический комплексы, которые отличаются высокими производственными издержками, в сравнении с условными среднемировыми, а также поддерживая заниженные внутренние цены на энергоносители и электроэнергию, правительство нацеливает всю экономику на деформированные абсолютные и относительные ценовые уровни и пропорции. С другой стороны, правительство вынуждено постоянно обирать экспортеров. Таков краткосрочный срез узбекской хозяйственной системы. Перейдем теперь к рассмотрению ее в динамике.

Предположим, что добыча нефти и газа в Узбекистане вполне конкурентоспособна по издержкам в глобальном масштабе или даже то, что, сохраняя контроль над топливно-энергетическим комплексом, правительство будет продолжать субсидировать промышленных производителей через поддержание заниженных цен на нефтепродукты и электроэнергию достаточно длительный период. Чем сложнее хозяйственная система советского типа, тем интенсивнее и острее проявляются в ней постоянно накапливаемые диспропорции. Параллельно возрастанию сложности хозяйственной системы нарастают масштабы конфискации экспортной выручки и/или увеличивается внешняя задолженность, так как иных способов ослабить обостряющиеся дисбалансы не существует. В конечном счете перспективы такой системы полностью зависят от правильного выбора инвестиционных приоритетов.

Эти приоритеты безальтернативно должны быть сконцентрированы в экспортном секторе. В противном случае Узбекистан окажется не в состоянии расплачиваться по набранным внешним займам и кредитам, а также поддерживать работу самого импортозависимого топливно-энергетического комплекса. Между тем промышленная политика, проводимая в этой стране во второй половине 90-х годов слабо удовлетворяла этому императивному условию. Она скорее выстроена во внерыночном советском духе.

Важнейшим отраслевым приоритетом национальной промышленности является автомобилестроение. В апреле 1996 г. южнокорейский чеболь Daewoo запустил автомобильный завод в г. Асака. Строительство сборочного производства обошлось в 650 млн долл., причем

подавляющая часть этой суммы была оформлена как кредит²⁸. В марте 1999 г. в Самарканде был пущен завод, который будет производить 5 тысяч автомобилей и автобусов в год. Только турецкий партнер узбекской стороны в этом проект, вложил в предприятие 70 млн долл.²⁹

При низком уровне внутреннего платежеспособного спроса, который обречен оставаться скромным и в обозримой перспективе, развитие автомобильной отрасли в Узбекистане могло бы быть оправдано лишь в случае его четко выраженной экспортной ориентации. Однако уже сами скромные масштабы производств на всех этих предприятиях позволяют утверждать, что ни одно из них не является конкурентоспособным в глобальной экономике. В 1997 г. в Узбекистане было собрано всего 64,9 тыс. легковых автомобилей, в 1998 г. - 54,4 и в 1999 г. - 58,3, а в 2000 г. - всего 31,3 тыс.³⁰ При таких более чем скромных масштабах выпуска разорительными становятся и попытки локализовать производство комплектующих. Автомобильная промышленность относится к отраслям, где экономия на масштабах производства имеет критически важную роль.

Косвенная информация свидетельствует, что построенный Daewoo автомобильный завод вплоть до последнего времени удерживался на плаву только потому, что инвесторы имели доступ к льготному механизму конвертации. Возможно, что масштабные экспортно-импортные операции, не связанные с автомобильным заводом, позволяли южнокорейскому чеболу фиксировать прибыль на узбекском рынке. В определенном смысле внутренняя структура чеболей весьма похожа на современную узбекскую экономику. Убыточные операции в таких структурах сосуществуют с прибыльными, а в крайнем случае совокупные убытки покрываются за счет финансирования из внешних источников. Между тем тот же южнокорейский опыт говорит о том, что временные горизонты существования подобных структур редко выходят за одно-полтора десятилетия.

Не имеет экспортных перспектив и отрасль сельскохозяйственного машиностроения, также выбранная узбекскими властями в качестве приоритетной. В 1997-1998 гг. Узбекистан организовал ряд совместных предприятий по сборке сельскохозяйственной техники с американской компанией Case, в том числе якобы и с целью экспорта³¹. Годовой выпуск техники на этих предприятиях в лучшем случае не будет превышать нескольких десятков тысяч единиц. Аналогичные

проекты и Case, и, другой крупнейший производитель сельскохозяйственных машин, John Deere реализуют в Казахстане и России", которые абстрактно могли бы рассматриваться в качестве экспортных рынков для узбекских производителей. Учитывая же то обстоятельство, что организуемые сборочные производства работают на условиях лизинга под кредиты крупнейших международных инвестиционных банков, подобная промышленная политика лишь оборачивается увеличением внешней задолженности Узбекистана.

Еще меньше экспортных перспектив у предприятий бытовой электроники, на которую Узбекистан также попытался сделать определенную ставку. Несколько примеров. Южнокорейский чеболь Daewoo налаживает в Узбекистане выпуск компьютерных мониторов. На первом этапе годовой выпуск предполагается довести до 36 тыс. единиц в год. В перспективе импортные комплектующие предполагается заменить местными³³. Одновременно Daewoo освоил производство видео- и радиоаппаратуры на местных предприятиях, а другой южнокорейский чеболь Samsung организовал в Ташкенте производство бытовой электроники мощностью 820 тыс. единиц в год³⁴. Тот же Daewoo наладил в Узбекистане выпуск компьютеров из импортных комплектующих годовой мощностью 36 тыс. комплектов³⁵. Японская корпорация Sony приступила к сборке в Ташкенте цветных телевизоров, годовой выпуск которых к 2000 г. должен был достигнуть 50 тыс. единиц³⁶.

Уже сами планируемые объемы выпуска и излишняя дробность номенклатуры вкупе с полной зависимостью от импорта комплектующих говорят о том, что создаваемые производства в принципе не могут быть конкурентоспособными в глобальном масштабе. Экспортные перспективы данных производств дополнительно подрываются и в силу того, что аналогичные проекты южнокорейские чеболи реализуют в соседнем Казахстане".

Конечно, при желании все эти проекты можно рассматривать в качестве теста, проводимого транснациональными корпорациями на предмет пригодности Узбекистана выступить в качестве будущей экспортной платформы для сборочных производств. Однако отрезанность страны от мировых рынков свидетельствуют не в пользу такой версии. По-видимому, испытывая инвестиционный голод, Узбекистан готов

реализовывать практически любой проект, предлагаемый иностранными инвесторами.

За счет чего стали возможными эти эксперименты? Подпитываются они по двум каналам. С одной стороны, Узбекистан субсидирует промышленных производителей за счет низких цен на энергоносители и электроэнергию. Топливо-энергетический комплекс выполняет роль донора для остальных отраслей экономики. С другой стороны, значительная часть этих проектов, которым в силу самых разных причин не суждено перерасти в конкурентоспособные в глобальном масштабе производства, реализуется, по-видимому, в рамках многосторонних бартерных сделок. Иначе говоря, поставляя на экспорт сырье и полуфабрикаты, Узбекистан получает взамен не "живые" деньги, а комплектующие для сборки ограниченных партий конечных продуктов. Вдобавок государство создает для подобных проектов исключительно льготный налоговый режим, а зачастую и финансирует их в централизованном порядке. Такая политика имеет очевидный аналог - советскую промышленную политику. Подобная схема сотрудничества крайне выгодна иностранным корпорациям, чего нельзя сказать о принимающей инвестиции стороне.

Как все это соотносится с тенденциями глобализации? Глобальная экономика эшелонирована и предоставляет ниши практически для любой модели развития. В мире имеется немало стран, которые проводят неэффективную промышленную и структурную политику, финансируя импортозамещение за счет экспорта своих природных ресурсов и/или сельскохозяйственного сырья. Такая модель развития жизнеспособна до тех пор, пока приток экспортных поступлений достаточен для поддержания на некотором критическом уровне массового потребления, а также для закупки за рубежом комплектующих и другой промежуточной продукции для тех промышленных производств, которые создаются в ходе импортзамещения. При этом достаточно быстро выясняется, что, снижая зависимость от внешнего рынка по конечной продукции, страна впадает в аналогичную или даже более ощутимую зависимость от импорта промежуточных и инвестиционных товаров. Рано или поздно это приводит к краху платежного баланса.

Самым наглядным примером такого рода стал коллапс советской экономики, произошедший к середине 70-х гг. и временно оттянутый всплеском мировых цен на нефть, а затем и посредством нара-

щивания внешних заимствований. Несмотря на очевидные уроки провалившегося экономического эксперимента, чужой опыт редко учитывается в стратегиях национального развития, и другие государства повторяют типичные ошибки.

В отличие от Советского Союза, который мог позволить себе длительное время не обращать внимания на издержки подобной стратегии развития, ни одно из постсоветских государств в силу их критической зависимости от притока внешних ресурсов и встроенности в систему международного экономического общения не располагает для этого запасом времени.

В Узбекистане платой за неэффективное импортозамещение стал валютно-финансовый кризис, разразившийся осенью 1996 г. и продолжающийся поныне. Внешними проявлениями этого кризиса стали значительный, как это следует из независимых оценок, дефицит бюджета, глубокий и растущий разрыв между официальным и рыночным курсами сума, высокая инфляция и быстрое увеличение внешнего долга.

Проводимый экономический курс имеет и другие дефекты. Инвестиционная политика формирует новые структурные ловушки, не избавляя экономику от ловушек старых. Доступная статистика по капиталовложениям свидетельствует о том, что львиная доля новых инвестиций направляется в топливно-энергетический комплекс, инфраструктуру и непроизводственное строительство. Если значительные капиталовложения в энергетические отрасли хотя бы отчасти оправданы, то этого нельзя сказать о других компонентах инвестиций.

Непроизводственная сфера и инфраструктура оттягивают на себя более половины всех вложений в основной капитал. В этом проявляется инерция, сохранившаяся с советских времен. Споры нет, и социальная сфера, и инфраструктура критически важны для экономического развития страны. Однако очень низкий уровень доходов населения, рост которых, кстати, не ожидается и в ближайшем будущем, а также ограниченность ресурсов, которыми располагает государство, не позволяют Узбекистану отвлекать на непроизводственное строительство столь значительные в относительном выражении средства, как это делается в настоящее время.

Эти и многие другие обстоятельства говорят о том, что проводимая в Узбекистане экономическая политика не выводит страну на траекторию устойчивого самоподдерживающегося роста, а скорее го-

товит почву для экономического обвала. Не исключено, что по прошествии нескольких лет Узбекистан будет восприниматься как "страна упущенных возможностей".

На наш взгляд, неадекватность реализуемого в Узбекистане курса заключается в следующем. Во-первых, сельское хозяйство продолжает использоваться в качестве донора других отраслей³⁸. Во-вторых, основная ставка в промышленной политике сделана не на экспорт, а на неэффективное импортзамещение. В-третьих, излишний упор на авторитарный политический и экономический контроль над обществом мешает раскрыться низовому капитализму. При явной массовой склонности к предпринимательству в 1996г. на малых предприятиях было занято чуть менее 240 тыс. чел., или всего 2,8% совокупной рабочей силы³⁹. Для сравнения укажем, что в Казахстане на 1 апреля 1998 г. на малых предприятиях было занято 950 тыс. чел., что составляло около 15% совокупной занятости⁴⁰.

Парадоксально, но в случае восстановления полномасштабного сотрудничества с международными экономическими организациями Узбекистан может рассчитывать на свежий приток средств для продолжения своих экономически неэффективных экспериментов. Известно, что Мировой банк достаточно активно финансирует, например, инфраструктурные проекты. К тому же опыт соседнего Кыргызстана или России свидетельствует о том, что контроль Бреттонвудских институтов над использованием предоставляемых средств практически отсутствует. С еще большей готовностью предоставит кредиты и займы под проводимую инвестиционную политику Япония, так как поддержка инфраструктурных проектов является традиционным коньком японской официальной помощи развитию.

Другое дело, что глубокая девальвация сума, которая неизбежна в случае либерализации политики обменного курса, еще больше обострит проблему конкурентоспособности местных производителей. Чем больше производств будет создано в ходе ныне реализуемой политики импортзамещения, тем более глубоких сбоев следует ожидать в промышленном секторе.

Подведем итоги. На постсоветском пространстве факторы глобального порядка превалируют над местной спецификой. При этом каждое из центральноазиатских государств предложило свой ответ на вызов глобализации. Кыргызстан и Казахстан пытаются оседлать гло-

бальную экономику, рассчитывая на свои природные ресурсы. Экономика этих стран расслоилась на два сектора: экспортный, динамика которого всецело определяется ситуацией на мировом рынке хотя бы потому, что экспорт представлен преимущественно сырьем и продукцией низкой степени переработки, и все остальные производства.

В Кыргызстане экспортный сектор слишком мал для того, чтобы хоть как-то подпитывать остальную экономику. Следовательно, в этом случае мы имеем дело с ярким примером маргинализации. В Казахстане экспортные поступления несопоставимо выше чем в Кыргызстане как в абсолютном выражении, так и в расчете на душу населения. К тому же Казахстан, хотя надежды на «нефтяное чудо» имеют мало шансов на реализацию в ближайшие пять-десять лет, может несколько увеличить экспорт нефти на мировые рынки.

Узбекистан пытается найти собственные ниши и в аграрных, и в сырьевых, и в индустриальных структурах современного мира. В силу особенностей хозяйственного механизма здесь не произошло расслоения экономики на два сектора, как в Кыргызстане и Казахстане. Узбекская экономика продолжает функционировать как единая фабрика, в которой перераспределение ресурсов и финансовых потоков между секторами и предприятиями обеспечивается административными методами. В развитие промышленности закачиваются ресурсы, полученные за счет экспорта хлопка, золота, урана и некоторых цветных металлов. Такая стратегия окажется успешной только в том случае, если создаваемые промышленные производства будут конкурентоспособными в глобальном масштабе. Если эти производства будут неспособны конкурировать на мировых рынках, то, в конечном счете, страна рискует получить экономику с окончательно подорванным аграрным и сырьевым сектором и неэффективной промышленностью - уменьшенный аналог бывшей советской и нынешней российской ситуации. Поэтому в настоящий момент имеет смысл говорить о промежуточной нише Узбекистана.

На фоне маргинализованного Кыргызстана и продолжающего свободное падение Казахстана ситуация в Узбекистане на конец 90-х гг. кажется более предпочтительной. Если бы в начале десятилетия Узбекистан провел либерализацию, аналогичную кыргызской или даже казахской, его уделом также бы стала маргинализация, возможно в не менее острой форме, чем в Кыргызстане

Для государств, развивающихся в той системе объективных ограничений, о которых говорилось в начале данной главы, активное вмешательство государства в экономический процесс является безусловной необходимостью. Безальтернативно, по-видимому, и масштабное перераспределение ресурсов и прибыли между экономическими секторами, которое может осуществить лишь все то же государство. Опыт Казахстана, и тем более Кыргызстана показывает, что слепое следование принципам *laissez-faire* бесперспективно. Другое дело, что те ресурсы, которые удается мобилизовать узбекскому правительству, распределяются далеко не оптимально.

Богатый мировой опыт подсказывает, что дело не в том, что импортзамещение как стратегия развития изначально ущербно в сравнении с развитием экспортоориентированным. Проблема заключается в том, что в условиях глобализации мировой экономики глобальной становится и конкуренция по производственным издержкам. С учетом этого обстоятельства, отраслевые приоритеты, выбранные Узбекистаном в качестве стратегических, представляются ошибочными. Внутренний рынок здесь крайне узок, а перспективы экспорта автомобилей или бытовой электроники более чем сомнительны.

Выбранные отраслевые приоритеты слабо соответствуют реальным возможностям страны, которые лежат прежде всего в сфере аграрного сектора, переработки сельскохозяйственной продукции, а также легкой и текстильной промышленности. К тому же неэффективное импортзамещение в Узбекистане осуществляется за счет внешних займов и кредитов, что обостряет проблему обслуживания внешних обязательств. Придерживаться нынешнего экономического курса длительное время Узбекистану, на наш взгляд, не удастся.

При всей декларируемой жесткости проводимого курса, узбекская экономика фактически капитулировала перед глобализацией. В то время как официально продолжается политика контролируемого плавающего курса, население и большинство местных производителей, которые не включены в специальные правительственные программы и не имеют доступа к конвертации по официальному обменному курсу, осуществляют экономические трансакции по курсу черного рынка. Мостик между национальной и глобальной экономиками был переброшен даже вопреки стремлениям экономических властей. При этом все последние годы разрыв между курсами на двух рынках пос-

ледовательно углублялся. Если в 1994 г. отношение курса "черного" рынка к официальному составляло 1,9, то в 1997 г. оно увеличилось до 2,25, 1998 г. - 2,4 и в 1999 г. - до 4,1.

Узбекистан повторил типичную для многих развивающихся стран ошибку. При проведении макроэкономической политики было нарушено общее правило: ценовой контроль - а обменный курс является ключевой макроценой для малой и открытой экономики - может дать желаемые результаты лишь в том случае, если правительство в состоянии осуществлять реальный контроль над ценами в соответствии с поставленными долгосрочными целями развития. Если обеспечить ценовой контроль не удастся, то от него лучше отказаться.

В Узбекистане, как и повсюду в развивающихся странах, которые следовали подобным курсом ранее, отступление от системной логики развития стало дополнительной причиной неправильного распределению ресурсов. В выигрыше оказались преимущественно привилегированные импортеры, имеющие доступ к конвертации по официальному обменному курсу, а также узкая группа высшей бюрократии, паразитирующая на выдаче разрешений и лицензий.

Но даже если Узбекистану бы и удалось избежать этих ошибок, то и в этом случае результаты попытки развиваться вне глобальных императивов и закономерностей вряд ли были бы лучше. Национальное экономическое поле Узбекистана слишком мало для того, чтобы позволить подобные эксперименты, а его экономическая динамика слишком сильно зависит от внешних факторов. По этим причинам в настоящий момент имеет смысл говорить о промежуточной нише Узбекистана.

Примечания

¹ Подсчитано по: Содружество Независимых Государств в 2000 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 221.

² Подсчитано по данным табл. 1 гл. 5. Следует иметь ввиду, что речь в данном случае идет о сальдо торговли вещными товарами. С учетом того обстоятельства, что Кыргызстан имеет устойчивое отрицательное торговое сальдо по услугам, в действительности брешь в торговом балансе была еще выше.

³ Подсчитано по данным табл. 6 гл. 5.

⁴ Разгуляев Ю. Даст ли прибыль киргизское золото // Азия. Экономика и жизнь № 6. Февраль 1998 С. 5.

⁵ Евпланов А. Киргизские евробонды будут обеспечены золотым запасом страны // Финансовые известия. № 39. 4 июня 1998. С. III.

⁶ Разгуляев Ю. Золото не сделало их богатыми // Азия. Экономика и жизнь. № 5. Февраль 1998. С. 13; Гармаш В. Страны Содружества выбираются из кризиса // Финансовые известия. № 20. 24 марта 1998. С. V; CAMECO Announces 1998 Financial Results and Subsequent Developments // The Almaty Herald. № 155. 11-17 February 1999. P. 9.

⁷ Социально-экономическое положение Кыргызской Республики в январе-декабре 1998 // Банкир. № 2. 27 января 1999. С. 4; и табл. 1 гл. 3.

⁸ Михалев В.В., Кумсков В.И., Хамисов В.М. и др. Анализ системы социальной защиты населения в Кыргызской Республике в условиях перехода к рынку. С. 12.

⁹ Подсчитано по: Содружество Независимых Государств в 2000 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 44, 222.

¹⁰ Разгуляев Ю. Призраки Ошской трагедии в киргизском парламенте // Время MN. 10 марта 1999. С. 6.

¹¹ Березовский В. Бишкек: погромы на базарах // Российская газета. 11 февраля 1999. С. 7.

¹² Герасимов М. Президент Акаев борется с коррупционерами // Независимая газета. 22 декабря 1998. С. 5.

¹³ Седых И. Экономическую политику России будет диктовать Киргизия // Сегодня. 19 октября 1998. С. 1.

¹⁴ Разгуляев Ю. Киргизия вступила в ВТО // Время MN. 24 сентября 1998. С. 1.

¹⁵ Согласно данным, приводимым бывшим премьер-министром, более 70% доходной части бюджета страны обеспечивали всего 110 предприятий энергетического, металлургического и нефтегазового комплекса. См.: «Нурлан Балгимбаев: «Финансовый кризис в России не окажет сильного негативного воздействия на казахстанскую экономику» // Панорама. № 33. 28 августа 1998. С. 5.

¹⁶ Хасанова М. Итоги внешнеэкономической деятельности Республики Казахстан в 1998 г. и прогноз на ближайшую перспективу // Аль-Пари. №4.1998. С. 11.

¹⁷ Содружество независимых государств в 2000 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 44; Социально-экономическое развитие Республики Казахстан. Январь 2001. С. 87.

¹⁸ Абсалямова Н. Финансовые доноры доверяют Казахстану // Казахстанская правда. 24 декабря 1998. С. 2.

¹⁹ Подробнее этот сюжет развит в гл. 11.

²⁰ Разумов Я. Приобретя дополнительные 5%-ю долю в ТШО «Шеврон» проявил «увеличение приверженности» Казахстану // Панорама. № 20. 19 мая 2000. С. 9.

²¹ Подсчитано по: Содружество независимых государств в 2000 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 206, 221, 296.

²² Uzbek Economic Trends Monthly Update. July 1998. P. 1.

²³ Исамиддинова Д., Сиражиддинов Н. Условия функционирования малых предприятий в постсоветских странах (на примере Узбекистана и России) // Экономическое обозрение. Январь 1998. С. 45.

- ²⁴Аляев Д., Заварский Л. В Ташкенте нелетная погода // Коммерсантъ-Daily. 27 апреля 1996. С. 11.
- ²⁵См.: Содружество независимых государств в 1998 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 56-57.
- ²⁶National Corporation Uzbekneftegaz. P. 49; Деловой мир. № 32. 22-25 августа 1997. С. 4.
- ²⁷National Corporation Uzbekneftegaz. P. 45, 49.
- ²⁸The Central European Economic Review. Vol. 4. № 3. 1996. P. 7.
- ²⁹Известия. 18 марта 1999. С. 4.
- ³⁰См.: Uzbek Economic Trends // Quarterly Issue. October-December 2000. P. 39; Содружество Независимых Государств в 1998 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 116.
- ³¹Черногаева Г., Иванов Н. Американские трактора рвутся на просторы СНГ // Коммерсантъ-Daily. 2 июня 1998. СП; Русский телеграф. 27 мая 1998. С. 7.
- ³²Гидаспов И., Синицкий А. Куликово поле // Финансовые известия. № 27. 18 мая 1999. С. III.
- ³³Азия. Экономика и жизнь. № 36. Сентябрь 1997. С. 2.
- ³⁴Русский телеграф. 5 июня 1998. С. 7.
- ³⁵Коммерсантъ-Daily. 15 августа 1997. С. 8.
- ³⁶Финансовые известия. № 55. 29 июля 1997. С. 1.
- ³⁷Петровский А. Президент открыл телевизионный завод // Казахстанская правда. 29 мая 1998. С. 2.
- ³⁸Подробно ситуация в сельском хозяйстве Узбекистана рассматривается в гл. 7.
- ³⁹Исамиддинова Д., Сиражиддинов Н... С. 48; Содружество Независимых Государств в 1998 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 291. Согласно узбекскому законодательству в промышленности и строительстве к малым относятся предприятия с числом занятых до 50 человек, сельском хозяйстве - 25, науке и научном обслуживании - 10 и торговле - 5 человек.
- ⁴⁰Тукаев А. Анализ развития малого бизнеса в Казахстане // Аль-Пари. № 2 Апрель-июль 1998. С. 69.